

и Саксонія ставятъ его рядомъ съ самоуправствомъ. Взглядъ двухъ послѣднихъ системъ наиболѣе правиленъ потому, что въ поединкѣ преобладаетъ моментъ отрицанія общественной власти; возможность же нарушенія личной неприкосновенности играетъ здѣсь второстепенную роль, тѣмъ болѣе, что оно совершается съ согласія потерпѣвшаго. Система французскаго, бразильскаго, аппенцельскаго и другихъ законодательствъ, которыя умалчиваютъ о поединкѣ, неумѣстна потому, что она предоставляетъ все произволу судьи и ведетъ къ двумъ крайностямъ, или къ безнаказанности (какъ во Франціи до рѣшенія кассационнаго суда отъ 22 Іюня 1837 года), или къ полному уравниенію причиненія смерти, нанесенія раны или увѣчья въ поединкѣ съ умышленнымъ совершеніемъ такихъ же дѣяній при другихъ условіяхъ. Если, съ одной стороны, законодатель не долженъ безразлично относиться къ нарушенію посредствомъ поединка общественного порядка и къ отрицанію государственной власти; то съ другой—онъ не можетъ не принимать во вниманіе весьма затруднительнаго положенія того, который, покоряясь общественному мнѣнію, противоположному закону, причиняетъ другому смерть или увѣчье. Поэтому наиболѣе правиленъ взглядъ тѣхъ законодательствъ, которыя, опредѣляя за поединокъ легкое наказаніе, въ случаѣ нанесенія тяжкой раны или причиненія смерти угрожаютъ менѣе строгою отвѣтственностью, чѣмъ за совершеніе этихъ дѣяній при другихъ условіяхъ, и, кромѣ того, не подвергаютъ виновнаго ни ограниченію правъ, ни работамъ въ тюрьмѣ. Таковы кодексы цюрихскій 92 и баварскій 164, изъ которыхъ первый, за исключеніемъ наиболѣе важныхъ случаевъ (когда нарушены правила поединка; когда положено условіемъ, чтобы поединокъ окончился смертью одного изъ сражающихся или нанесеніемъ тяжкой раны), опредѣляетъ наказаніе отъ 1-го дня до 5-и лѣтъ;